

Устал. Энергия наконец иссякла. Сколько времени прошло? По ощущениям часа два-три. Отзанимавшись, я взглянул на девушек. Близняшки снова спали, развалившись около деревьев. Карина стояла между ними, сложив ручки на фартуке, и молча за мной наблюдала.

Увлёкшись, я совсем про них позабыл. Горничная успела накрыть сестричек пиджаками – такой вот сон на опавших листьях, осенью, в мокрых рубашках, мог вызвать воспаление лёгких. «Хорошая девочка, заботливая», отметил я про себя.

— Пожалуй, на сегодня хватит.

Заявил я, стаскивая футболку с ветки ближайшего дерева. Одевать её не стал – выполняя разные упражнения разогрелся. А ещё вспотел. Карина быстренько растолкала охранниц. Похоже она к ним окончательно привыкла и больше не боялась.

А может строптивая горничная просто не хотела подпускать к сестричкам-близняшкам меня? Будучи слишком уставшим, чтобы не обращать внимание на подобного рода мелочи, я побрёл к особняку.

Подойдя к двери ванной комнаты, я оглядел близняшек. Вид девушки имели, скажем так, «не очень». И хотя рубашки успели высохнуть, можно было не сомневаться, чувствовали они себя, в одежде пропахшей потом и со слипшимися волосами, как минимум грязными.

Уж это чувство мне было хорошо знакомо. Сведя брови к переносице, тоном, не терпящим возражений, я обратился к охранницам:

— Идите умойтесь. И одежду, неплохо было бы сменить. Я же говорил не бегать со мной! Могли ведь просто постоять около дома! Карина, в той куче одежды, я помню видел некоторые вещи, что подойдут этим сёстрам. Или может, обернётесь полотенцем после душа, и сами сходите к себе, а там уже переоденетесь?

Выпучив глаза, близняшки переглянулись. Они отрицательно мотали головами, пока я говорил. Схватив ближайшую, которой оказалась Клара, я затолкал её в ванную, захлопнув дверь.

— Ну а теперь, София, может ты сходишь за свежими вещами?

— Я не могу. Кто будет за вами присматривать? Если уйду, хозяйка очень разозлится.

София испуганно смотрела на меня. Глаза охранницы стали мокрыми. Губы слегка задрожали. Охранница явно собиралась расплакаться, поэтому я обратился к Карине.

— Сходи ко мне в комнату, пожалуйста. Принеси им что-то. Там вроде, в шкафу ещё остались какие-то вещи.

Взглянув на готовую разрыдаться девушку, Карина быстро кивнула и бросилась вверх по лестнице. Оставшись наедине с Софией, чувствуя за собой вину, я подошел к охраннице и поднял руку, намереваясь её погладить и успокоить. Бедняжка испуганно зажмурилась, но ощутив лёгкое поглаживание тут же открыла глаза.

— Извини, я не хотел быть грубым, но по-другому вы бы не стали меня слушать. Не волнуйся. Всё будет хорошо. Я заступлюсь, если Ольга захочет вас наказать.

Эффект получится прямо противоположным – София зарыдала! Громко, с надрывом. Мне пришлось прижать охранницу к себе, обнимая. Она тут же уткнулась лицом в плечо.

«Грёбанный мир! Из трёх близких ко мне девушек, я заставил плакать уже двоих», ругал я сам себя мысленно. И хотя рыдания стали тихими, а моё плечо мокрым, девушка никак не успокаивалась.

Только спустя пять минут она наконец перестала плакать, но почему-то продолжала прижиматься, слегка вздрагивая. Вернулась Карина, с комом одежды в руках. Глаза горничной от удивления расширились, когда миниатюрная девушка поняла, чем мы тут занимаемся.

Однако, удивление быстро сменилось осуждением, и она, отталкивая нас в сторону, громко постучала в дверь ванной. «Зачем толкаться, если мы совсем не мешаем двери открыться», недоумевал я.

Прикрываясь мной, София боязливо огляделась. Но поняв, что это горничная, снова прижалась к плечу. Замок на двери щёлкнул, и Карина быстро заскочила в ванную.

София, наконец, слегка отстранилась, поглядывая на меня снизу вверх из-под чёлки, вытирая рукавом лицо. Однако другая её рука, не сдвинулась ни на миллиметр.

Дверь распахнулась, выпустив облачко пара. София моментально отступила в сторону. Карина и Клара вышли из ванной. Горничная тут же сунула Софии какую-то одежду, подталкивая к открытой двери. Как только София оказалась за порогом, Карина, громко хлопнула дверью, закрывая её.

После этого она встала между мной и Кларой, демонстративно не глядя в мою сторону, и скрестила руки на груди. «Чем я вызвал столь неприкрытое недовольство – непонятно», мысленно разводил я руками в стороны.

Вместо пропахшего потом и уличной пылью костюма, на Кларе было теперь надето платье, чуть ниже колен. Декольте оказалось довольно низким, ну а бюстгальтер отсутствовал вовсе. Поэтому, дабы не будить только недавно уснувшую похоть, я сразу отвёл глаза, подальше от её «прелестей».

Проживая в мире без нормальных мужчин, девушки перестали их хоть немного побаиваться. Клара, наверное, даже не догадывалась, насколько новый наряд вызывающий. Только сейчас я обратил внимание на её обувь – совершенно несочетающиеся с платьем чёрные кроссовки.

Обычно они оставались почти полностью скрыты штанами. Сёстры носили их как альтернативу туфлям, бегать в которых неудобно.

Как только из ванной вышла вторая сестра, я тут же отпустил охранниц и горничную, чтобы все могли пообедать. Естественно кушать близняшки ходили по очереди, потому, выйдя из ванной, я обнаружил Клару около двери.

Странно что именно София ушла. Ведь как раз той сестре достался очень консервативный наряд, состоящий из юбки в пол, и свитера с высоким воротником.

Поднявшись к себе, я всё-таки предложил Кларе зайти, аргументировав своё предложение тем, что если охранницу застукают в «новой форме», могут и отругать или пожаловаться Ольге.

Милое личико девушки тут же исказила гримаса страха, и она, кивнув, заскочила в приоткрытую дверь. «Да, я не очень хороший человек... наверное», хмыкнул я про себя. На самом деле мне просто хотелось побыть с красавицей наедине. Близкий контакт с прекрасным полом – все эти объятия и рыдания на плече, сильно меня расслабили или даже разбаловали.

Оказавшись в комнате, Клара замерла, осознав, что назад дороги нет. С опаской поглядывая на меня девушка переминалась с ноги на ногу. Небрежным жестом указав на кровать, я предложил:

— Присаживайся.

Однако охранница, пребывая в ступоре, глядела на кровать так, будто та обернулась неведомым хищным зверем.

— Нет.

«Ух ты! Нет! Как интересно. Первый раз в этом мире мне так категорично отказывает девушка», изумился я, и принялся с интересом рассматривать Клару, пытаясь понять, что же заставило девицу воспротивиться моей воле.

Молчание затянулось. Лицо молодой охранницы бледнело всё сильнее. Не выдержав пристального взгляда, она залепетала:

— Это платье для гостей, если я его помну, хозяйка будет недовольна! И ваша кровать заправлена, что с ней станет, когда на неё усядусь я?!

«Ага, понятно. Страх. Но не тот страх, о котором сначала подумал я. Как же их тут всех вышколили», мне даже стало любопытно какие такие наказания практикует «хозяйка»? «Нет-нет, я не садист! Я не собираюсь никого наказывать... пока», улыбнувшись Кларе, я подошел, слегка подталкивая её в спину.

— Не переживай, скажешь, что это я помял платье. А кровать заправлял я сам, так что ничего страшного. К тому же, сегодня я больше не собираюсь ходить в библиотеку. Мне тут пришла в голову мысль, что я не с того начал. В первую очередь следовало поговорить с вами. Ведь вы живёте в этом мире, и сами можете мне о нём рассказать. Не обязательно было всю информацию искать в книгах.

Спокойная речь и лёгкие подталкивания в спину, не давали девушке возможности возразить. Она, похоже, сама не поняла, как оказалась на кровати. Моя похоть постоянно пыталась вырваться из-под контроля, но я всё-таки сдержал себя.

Осознав, к какому месту на теле гостыи всё время возвращается мой взгляд, я отвернулся к окну. И заговорил:

— Расскажи о себе, где родилась, как жила, как здесь оказалась, в общем всё что можешь.

Задавая такой вопрос, я решил, что картину мира будет проще воспринять целиком, услышав историю жизни той, кто в нём непосредственно проживает. В крайнем случае, я собирался задавать наводящие вопросы, если рассказ начнёт уходить «не туда».

Как оказалось, Клара и София являлись исключениями. После того как перестали рождаться мальчики, близнецы тоже появлялись крайне редко. «Скорее всего, это из-за того, что семя изменённых мужчин, очень слабое», предположил я.

Минут через пятнадцать, в дверь постучалась София. Отпустив Клару обедать, и усадив вторую сестру на место ушедшей, принялся слушать её рассказ, который почти ничем не отличался от первого.

Сразу после рождения, мать отдала близняшек в специальное детское правительственное учреждение. Института семьи больше не существовало как такового, поэтому были созданы подобные заведения.

Обычная гражданка не могла надолго оставить работу и заниматься детьми. Государство одноразово выплачивало некоторую сумму родившим женщинам. И предоставляло различные льготы.

Это хороший старт, потому многие девушки пытались начать взрослую жизнь именно таким образом. Ещё можно было сдавать грудное молоко, также за неплохие деньги.

Существовал способ получить крупную сумму, согласившись на операцию изменения пола ребенка, однако это так же влияло на здоровье матери. В специальных хранилищах на данный момент хватало семени, поэтому пока, это решением считалось добровольным. Соглашались немногие, готовые ради денег рискнуть здоровьем.

Родившихся мальчиков сразу помещали в специальный инкубатор, потому что они были очень хрупкими и слабыми. Почти всё молоко, что сдавали женщины, поступало в эти инкубаторы. Смеси, которыми кормили младенцев-девочек, часто не принимались хрупкими мальчиками, иногда такое кормление даже заканчивалось летальным исходом.

Почему-то рассказы обеих сестер всё время упирались в финансовую сторону вопроса. Возможно, суть крылась в трудном детстве. Или тяжелой жизни в это непростое время.

Ещё минут через десять явилась Карина. Девушка прикатила тележку с едой. Усадив и её на кровать, я продолжил слушать историю Софии, разбираясь с привезённой пищей.

Рассказ о детстве близняшек, напоминал историю из какого-то фильма, где детей-беспризорников готовили для работы диверсантами. С самого рождения определяя их судьбу как военных, либо телохранителей. Или других подобных профессий.

Так отсутствие мужчин повлияло на уклад жизни, направляя девочек по нужному государству пути с первых лет жизни. Моё внимание вдруг привлекли брошенные невзначай Софией слова «обязательная дефлорация».

Когда я попытался уточнить о чём она говорит, девушка растерялась. Зато Карина заговорила, как прилежная отличница, отвечающая на уроке. Оказывается, всех девочек в возрасте четырнадцати лет, заставляли проходить осмотр на возможность иметь в будущем детей.

И после него, хирургическим путем, совершались соответствующие действия. Так как вступить в половые отношения с измененным мужчиной шансы стремились к нулю, чаще всего происходило искусственное оплодотворение. Да и многие мужчины этого мира попросту оказывались неспособны преодолеть даже такую, «несущественную преграду». Потому от всего лишнего избавлялись заранее. Прагматичный подход.

Хорошо что к этому моменту я уже поел. Ничего такого, просто к подобным подробностям жизнь меня не подготовила. Вдруг зевнув, я почувствовал сонливость. «Пожалуй, информации для одного разговора достаточно», поднимаясь, потягиваясь, я обратился к девушкам:

— Видимо, я устал больше, чем думал. Давайте завтра ещё поговорим. А сейчас, вам бы тоже не помешало отдохнуть. Больше нигуда выходить я сегодня не собираюсь.

София и Карина покинули комнату, и я улёгся в кровать с книгой в руках. Эта, вторая книга о войнах, оказалась не столь интересной. Читалась медленно, через силу. В ней встречались детальные описания кровавых сцен, которые, по моему мнению, не следовало «в красках»

расписывать.

Убирая в сторону книгу, так и не дочитав нелицеприятную сцену очередного убийства, я решил вздремнуть. И как только закрыл глаза, мгновенно провалился в сон.

Именно так, в этот раз не чёрная тьма, а самый настоящий красочный сон вторгся в угасающее сознание.

Что за дела? Я полностью осознаю себя, хоть и понимаю, что это сон. Это похоже на те, первые воспоминания, этого тела. Я вижу всё и слышу, но не чувствую и ничего не могу сделать. Как фильм из глаз другого человека. Того самого, в чьём теле сейчас находится мой разум. А раз теперь это моё тело, стоит постараться воспринимать его как себя.

Итак, я почему-то привязан к какому-то, похожему на кресло дантиста, устройству. Множество ремней сковывают мои руки, ноги и даже голову. Скосив взгляд, я вижу ещё два таких же кресла, с двумя, похожими на меня мужчинами в них. Они тоже, по рукам и ногам связаны.

Интересно, в этом мире же нет нормальных мужчин кроме меня. А эти двое, хоть и старше лет на десять-пятнадцать, выглядят вполне нормально. С такой же развитой мускулатурой, правда их тела так же покрыты шрамами, как моё.

На нас те самые штаны из плотного материала и широкие ремни. Торс голый. Огромное помещение, наподобие самолётного ангара, а кресла в самом его центре. Вокруг куча какой-то аппаратуры, компьютеров, столов, со всякими непонятными мензурками и разноцветными жидкостями в них.

Всюду снуют женщины в белых халатах. Ко мне подходят две такие дамы. В руках у одной шприц. Вторая держит блокнот и ручку. Игла входит в вену на руке и тело начинает дрожать. Я ничего не чувствую, но похоже это больно.

— Препарат три четыре семь один пять, испытуемый, номер тысяча сто одиннадцать. Реакции нет.

Произносит другая, глядя в монитор, около кресла, и записывает что-то в блокнот. Они подходят, и повторяют процедуру с двумя другими мужчинами.

Дрожь в моём теле становится всё сильнее, картинка перед глазами подёргивается. Скосив взгляд на мужчину в кресле рядом со мной, я замечаю, как его глаза наливаются кровью. Зрачок уменьшается до точки, а радужка увеличивается и обретает яркий, бордовый цвет.

Вены на его теле вздуваются, мышцы вдруг напрягаются и высвобождают одну руку из ремней.

Точнее он просто вырвал сам ремень из его крепления на кресле.

Женщины в халатах только после этого замечают неладное. Включается сирена. Все замирают, глядя на освобождающихся подопытных. Второй мужик тоже начинает разрывать оказавшиеся недостаточно прочными оковы. С его глазами происходят такие же странности.

Дрожащая от страха учёная в халате подкрадывается ко второму подопытному намереваясь что-то ему вколоть, пока тот занят высвобождением своих ног, разрывая ремни на них голыми руками. Дама лет сорока с виду подходит к нему со спины, держа в руках пневмошприц. Раздаётся звук рвущейся плотной ткани...

В следующее мгновение взбесившийся мужчина бросает остатки ремней прямо в лицо женщине-учёной. Пневмошприц падает на пол, разлетаясь на куски. Дама прижимает ладони к лицу. Другой подопытный к этому моменту тоже обретает свободу.

А вот бывший владелец моего тела пока ничего не делает. Хотя ему препарат ввели самому первому. Внезапно молоденькая девушка в халате, схватив обычный шприц, вонзает его прямо в спину красноглазому.

И если до этого, получив столь желанную свободу, мужчины просто стояли, тупо разглядывая всё вокруг, то теперь начали действовать. Тот у которого из спины торчал шприц, хватает и бросает девушку в воздух. Пролетев несколько метров, она врежется в стол с мензурками и пробирками, разбивая всё на своём пути.

Начинается паника. Женщины в халатах бегут к выходу. И похоже это как-то повлияло на освободившихся, озверевших мужчин. Они начинают нападать на всех подряд. Крушат всё, что попадает под руку.

Воцаряется настоящий хаос. Повсюду кровь, тела, обломки и осколки. Один красноглазый вдруг впивается зубами в шею какой-то женщины. Та истошно вопит. Кровь брызжет, вырываясь из раны, заливая лицо мужика. Он отбрасывает женщину в сторону и пожевав кусок плоти, сплёвывает.

В помещении полный погром. Жидкость из пробирок смешивается с кровью на полу. Потрескивают искры на разорванных проводах. Множественные замыкания приводят к тому, что гаснут лампы на потолке.

Теперь, в полутьме, это место напоминает настоящий ад. Некоторые женщины кричат и стонут. Слышится плач. Повезло тем, которые находились около дверей. Они успели сбежать.

Женщина, с прокушенной шеей издаёт булькающие звуки, захлебываясь собственной кровью. Это привлекает внимание укусившего, и он бросился в её сторону.

Я отворачиваюсь... только для того, чтобы увидеть, как второй взбесившийся насилует рыдающую молодую девушку. Во время этого процесса он сжимает шею девушки руками.

Через минуту она перестаёт шевелиться. Ещё через пару минут, утолив свои желания, два озверевших мужчины замирают уставившись друг на друга. А потом начинается бой.

Это что-то невероятное. Взбесившиеся подопытные бросают друг друга, через весь зал, на огромные расстояния. Удары невероятной силы сотрясают стены и потолок, но сыплются беспорядочно. Кровь разлетается фейерверками брызг в разные стороны. Выбиты зубы, поломаны конечности, но они продолжают своё бешеное буйство.

В какой-то момент, одному удаётся подобраться к противнику сзади, пока тот лежит на животе. Упершись ногой в позвоночник, монстр тащит второго за голову, отделяя её от тела.

Я снова отворачиваюсь. Наступает относительная тишина. Слышны только стоны, потрескивание электричества, и мощное дыхание выжившего красноглазого.

И дыхание это, судя по звуку неотвратимо приближается. Владелец тела начинает напрягать руки пытаясь освободиться. Он и раньше это делал, но ремни были слишком крепкими. В тот момент, когда перед глазами появляется окровавленное лицо с красными глазами, я испытываю настоящий ужас.

Я даже почти забываю, что это просто сон. Монстр, осматривая меня вытягивает руки и хватает ими мою шею. В этот момент, ремни под руками не выдерживают, разрываясь, и я тоже хватаю его за горло.

Я вижу, как пульсируют вены на моих руках, как вздуваются мышцы. Вижу отражение своих ярко-желтых глаз, в отражении его, тускло-красных. И как шея напавшего на меня монстра сминается, будто бумажная...

Широко распахнув глаза, с хрипом резко вдохнув, я вернулся в реальность. В комнате царила полутьма. Наступил поздний вечер. Сон казался настолько реальным, что я не сразу осознал, что снова управляю этим телом.

Слишком резкий переход от созерцания к управлению дезориентировал и шокировал. Я помнил каждое мгновение, и был уверен, что видел настоящие воспоминания бывшего владельца.

Так же как в воспоминаниях поднятые руки тянулись вперёд, а в ладони сжимали чью-то тёплую плоть. Однако эта шея была значительно тоньше, мягче и нежнее.

Непонятно как, но в смертоносный капкан угодила хрупкая шея Карины. Глаза девушки закатились, а руки повисли. На моих же руках, красовалось несколько свежих кровоточащих царапин.

Я разжал хватку, и горничная упала на кровать, закашлявшись, сворачиваясь калачиком около меня на простынях. Радость от того, что она жива, сплеталась с горечью осознания того, что я наделал.

Подумав об этом, я оглядел комнату. Около кровати стоял столик с едой. Видимо малышка пришла с ужином, для неблагодарного гостя. Так как свет она не включила, я предположил, что Карина решила не будить меня и снова подкралась вплотную.

Естественно, после сверхреалистичного сна, я отреагировал соответственно. Отдышавшись, взглянув мокрыми от слёз глазками на меня, маленькая горничная прохрипела:

— Простите. Я больше не буду подкрадываться. Не буду подглядывать. Извините.

«Проклятье! Больше не могу и не стану искать себе оправданий! Я – ужасный человек, причинил боль такой невинной милашке», ругался я мысленно. Обняв Карину, поглаживая девушку по спине и волосам, я шептал ей на ушко:

— Мне приснился страшный сон. Я не хотел сделать тебе больно. Это ты меня извини. Ты хорошая девочка. Ты не сделала ничего плохого. Виноват здесь только я. Так что это ты меня прости.

Через пару минут горничная успокоилась. Она лежала со мной на кровати, обнимала и прижималась всем телом. Удовлетворив наконец свою потребность в ласке и утешении, девчушка выглянула из-под чёлки.

Слёзы окончательно высохли и испарились. Глаза Карины блестели, отражая тусклый свет из окна. Так как одеяло сползло до пояса, её горячие ладошки были крепко прижаты к моей спине.

— Я невиновата?

— Конечно! Просто плохой сон!

Заявил я, снова притянув к себе хрупкую девушку, погладив по голове.

Только вот она вдруг упёрлась ручками в мою грудь, отталкиваясь.

— Тогда почему? Почему вы ничего не попросили!? Я ждала весь день!

Обиженным голосом заявила Карина. На её лице появилось то самое недовольное выражение, как утром.

— Что не попросил?

Недоумевал я, рассматривая вернувшегося «злого хомячка», забравшегося в мою кровать. «Уровень милоты и незащитности просто сводит с ума. Хорошо, что она уже в моих объятьях. Иначе не сдержался бы, набросился на неё и затискал», честно признавался я сам себе. Правда столь сильный прилив нежных чувств возможно был связан с эмоциональными горками, после кровавого кошмара.

— Вы... Ты утром сказал, что попросишь что-то, но так и не попросил!

— Не понимаю. Я говорил утром что попрошу только если ты хочешь посмотреть...

Запнувшись, покраснев, вспоминая чего наговорил, я замолчал. Карина, всё ещё держала ручки на моей груди и уверенно глядела мне в глаза.

— Но я хочу! И ещё я хочу узнать, что ты хотел попросить! Это сводит меня с ума! Я хочу знать!

Её любопытство граничило с одержимостью. «Что же мне теперь делать? Зачем я сморозил ту глупость утром», лихорадочно соображал я.

<http://tl.rulate.ru/book/24521/531908>